

Потенциал гражданской дипломатии в разрешении современных конфликтов

По следам дискуссий представителей российских НКО, состоявшихся в декабре 2018 года.

Фрагменты выступлений участников.

Москва, 2019

В декабре 2018 года в Москве прошла серия мероприятий, посвященных обсуждению реакции российского гражданского общества на конфликты, которые возникают сегодня как внутри России, так и между Россией и другими странами. В мероприятиях приняли участие представители правозащитных и миротворческих организаций, независимые эксперты из России и других стран. В данной подборке представляем наиболее выразительные фрагменты выступлений участников дискуссий.

xxx

Материал подготовлен в рамках деятельности CivilMplus — открытой международной платформы гражданского общества, деятельность которой направлена на объединение гражданских инициатив и восстановление Донбасса как мирного, интегрированного и развитого региона демократической Украины и единой Европы.

Фрагменты дискуссии¹

Перед началом обсуждения ведущий напомнил присутствующим миниатюру Аркадия Райкина, короля сатиры советских времен. В этой миниатюре на сцену выходил человек, он ходил по сцене и повторял: «Ну что я могу сделать, ведь я же один!». Затем на ту же сцену выходил второй человек, затем третий, четвертый, и вот уже по сцене двигалось много людей, и каждый из них все ходил и ходил взад-вперед, и говорил всё те же слова: «Что же я могу сделать? Ведь я же один!». Миниатюра производила гнетущее впечатление. Но мы не одни, это необходимо осознать.

На одной из конференций прозвучала фраза: *«Ткань мирной жизни расплзается, в ней проступает тело войны»*. Очень сильное высказывание производят эти слова. В них слышится истинное, настоящее. Они удивительно справедливы.

На взгляд выступающего, установочному докладу пойдут на пользу два отступления – они помогут осмыслить глубину проблемы, поставят перед необходимостью поисков новых форм и методов работы – нашей общей работы по преодолению соскальзывания общества к катастрофе, когда уже девизом всей страны станет известное «Хоть в ад, хоть в рай» – и не будет пути назад...

Первое отступление.

Уже сидя в тюрьме во время Нюрнбергского процесса, Герман Геринг дал интервью психологу Густаву Гилберту. Геринг сказал следующее: *"Конечно, люди не хотят войны. С какой стати какой-нибудь дурак с фермы захочет рисковать своей жизнью, когда лучшее, что он может получить в результате войны — это вернуться обратно на свою ферму одним куском? Конечно, народ не хочет войны. Конечно, никто не хочет войны ни в России, ни в Англии, ни в Америке, ни даже в Германии. Это понятно. Но, в конце концов, политика определяется лидерами страны. И заставить народ поддержать политику – это дело плевое. И не важно, что это будет - демократия или фашистская диктатура, или парламент, или коммунистическая диктатура"*.

Гилберт ему возразил: *"Но в демократии есть одно отличие – у народа есть возможность высказаться через своих избранных представителей, и в США только Конгресс имеет право объявить войну"*. На что Геринг отвечает: *"Это, конечно, все прекрасно, но имеют они или не имеют они голоса, народ всегда может быть приведен к послушанию. Это просто: надо только сказать ему, что на него нападают. И при этом обвинить пацифистов в отсутствии патриотизма и в том, что они подвергают страну опасности. Это срабатывает в любой стране"*². От себя добавим: это срабатывает не только в любой стране, но и в любое время.

Второе отступление.

«Думаю о традиционных ценностях и внезапно понимаю, что единственная традиционная ценность для моей страны России – это война. Война со всем, что ДРУГОЕ. Война до победного конца - неважно уже, чьего, может и ни чьего, но

¹ Ниже выступления участников дискуссий сокращены до фрагментов, которые расположены в хронологическом порядке, так, как они звучали на проведенных мероприятиях.

² Гилберт Г. М. Нюрнбергский дневник. — М.: Вече, 2012., запись от 18 апреля 1946 года.

до победного. Почему так? Да ведь ничего другого за все 70 лет существования Советской власти и двадцать пять лет существования новой России никогда и не культивировалось, не становилось главным в государственной пропаганде, культуре, образовании. Песни про войну - с детства, рассказы про героических пионеров, погибших на фронтах, или, наоборот, ставших сынами полка - с того же детства, пышные военные парады и празднества – всю жизнь. Культ войны следовал за любым человеком, жившим на этой территории, с самого рождения до самой смерти. Проедьтесь по стране от Калининграда до Находки – посчитайте, какое количество улиц названо именами людей, убивавших других. Как будто больше никого и не было, как будто больше никто эту землю не любил и ничего для нее не сделал. Война – наш главный культ. Война как система жизни, как мировоззрение, как ценность, как главное событие, как оправдание себя и всех возможных страшных смыслов. И этот культ страшнее Сталина будет»³.

xxx

Конечно, мне самой хотелось бы поспорить и с первым, и со вторым утверждением, но есть одно «но». Лет 12 назад на одной из конференций я разговорилась с молодой женщиной, немкой. Она знала несколько языков, в том числе и русский. Думая сделать ей комплимент, я сказала, что она большой молодец. Ведь, действительно, знать много языков чрезвычайно трудно, но это и очень интересно. На что прозвучал ответ совершенно неожиданный. Она рассказала о том, что с детства мечтала посмотреть мир, но очень боялась: поскольку огромное количество людей пострадало в результате Второй мировой войны, ей было страшно говорить на немецком языке в *любой* стране. Она боялась ненависти, боялась возможного столкновения с болью людей, переживших Вторую мировую.

А совсем недавно, буквально несколько дней назад, потрясло другое: есть люди, которые сегодня считают, что говорить на русском языке неприлично, что тем, что, говоря на русском языке, они, получается, оправдывают войну, насилие. И теперь страшно уже от того, что мы стоим на пороге аналогичного страха наших детей. А вдруг случится, что наступит момент, когда наши дети и наши внуки станут бояться говорить на родном языке?..

Если много лет работаешь в регионах конфликтов, становится очевидным то, что происходит с человеком во время и после конфликтов. Переживший войну о ней не забудет, и, поверьте, помнит этот человек не о том, о чем рассказывают на уроках патриотизма. И на фоне такой идеологии, на фоне расплывающейся ткани мирной жизни и проступающего тела войны, на мой взгляд, особую значимость приобретают те, кто верит, что есть другой путь. Другой путь для сохранения уважения и возможности влияния, для решения проблем и роста благосостояния, для безопасности и соблюдения прав и свобод человека, а главное, для сохранения человеческого достоинства и культуры: как каждого гражданина моей страны, так и страны в целом.

Сегодня в России нет антивоенного движения в том виде, каким мы его себе представляли, каким хотели бы видеть: с многотысячными акциями протеста, митингами, сильным, открытым сопротивлением.... Сегодня мы не видим рыцарей

³ Виктория Ивлева, российская журналистка, фотограф, гражданский активист.

в доспехах без страха и упрека. Этого действительно нет. Но, несмотря ни на что, есть другое. Причем, много разного, интересного и важного. Как сделать эти новые инициативы более эффективным? Надо вместе думать над этим, сложив коллективный разум в одну копилку. Иначе мы всегда будем бежать за «паровозом» смерти, за политиками, чей смысл жизни – война.

Мы, понимаем, что в миротворчестве, в миростроительстве нет единого на все случаи рецепта. Это все счастливые семьи одинаковы, а горе у каждого свое. Это на дороге войны всё просто: убили, разрушили, и всем страшно, но все идут дальше... А вот обратный путь, путь к миру, найти невероятно трудно. Поэтому лучше не допускать войн и конфликтов. А уж если не предотвратили, не смогли, то нужно быть готовыми к пути трудному, долгому и непредсказуемому. Но идти надо.

К счастью, и сегодня есть люди, которые уже встали на этот путь. Их работа, на первый взгляд, незаметна; но, шаг за шагом, они делают все более видимым сопротивление войне и насилию, они реализуют инициативы, направленные против войн и конфликтов, в защиту прав и свобод граждан.

Хочу напомнить о молодежной инициативе «Огни Эйрены». Также совершенно особым форматом антивоенного движения стали одиночные пикеты против войны в Украине – в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде и многих других городах. Есть и другие, менее для всех нас известные инициативы, например, «Завтрак на границе», «Донбасский диалог» и другие диалоги по разную сторону границ или мнений.

xxx

Нельзя, однако, обойти вниманием и инициативы другого рода. Вот, например, проект «Дорога к миру», который в 2018 году реализовывала Ростовская региональная общественная организация «Центр содействия развитию гражданского общества и общественной дипломатии» на средства Фонда президентских грантов России. В обосновании социальной значимости проекта «Дорога к миру» говорится, что становление и развитие общественной дипломатии в Донском крае приобретает особую актуальность и социальную значимость «в нынешней непростой ситуации усиления санкционного давления на международном уровне на Россию, ущемления прав вплоть до убийств соотечественников на Украине, кровавой гражданской войны в Донецкой и Луганской народных республиках». По мнению инициаторов, проект «Дорога к миру» направлен на поддержку и усиление деятельности «уникальных российских дипломатов», которые «максимально способствуют мирным переговорным процессам при решении международных проблем и конфликтов». Далее следует, что проект призван *«содействовать установлению прочных созидательных отношений с соотечественниками Украины, Донецкой, Луганской народных республик и одновременно активизации и консолидации регионального общества, с целью построения доверительных долгосрочных взаимоотношений между народами и цивилизациями на продвижение национальных интересов России»* и так далее. К сожалению, кроме вышеназванного, на сайте Фонда президентских грантов нам не удалось найти больше ни одного проекта, в котором была бы упомянута народная дипломатия, причем не как схоластика и пропаганда, а как реальный действенный инструмент возможного влияния на предотвращение или

разрешение конфликтов, на участие в процессе возвращения к мирной жизни в постконфликтном обществе, как вид деятельности сложный, но эффективный. Упоминание же народной дипломатии и использование при этом языка вражды несет больше вреда, чем пользы, и важно понимать, что подобная подмена очевидным образом вредоносна.

В период, предшествующий конфликтам и войнам, в обществах идет этап нагнетания, накачивания атмосферы недоверия, подозрительности. Воображаемый противник наделяется такими эпитетами и такими качествами, услышав которые любой неподготовленный к анализу информации человек готов поверить, что перед ним – враг.

К сожалению, это процесс повсеместный. Мы живем в такой реальности уже давно и, по-видимому, никто в настоящий момент не знает, как данный процесс остановить, что ему противопоставить. Сегодня чрезвычайно важно найти эффективное решение, подобрать инструмент.

В основе народной дипломатии широкий выбор действенных инструментов, каждый из которых применяется или вновь создается в чрезвычайно сложных условиях, поскольку трудно предположить, как то или иное слово или действие может отозваться в каждом конкретном случае. Потому, прежде всего, что во время войн и конфликтов один и тот же человек в каждый день войны – это другой, это разный человек. И это относится не только к каждой отдельной личности, но и к группам людей, объединенных общностью ситуаций.

Каков же выход? Что и как может сделать гражданское общество в столь трудной ситуации?

xxx

Для меня лично главным инструментом народной дипломатии является диалог. С диалога начинается путь к миру.

Диалог - открытый процесс коммуникации между конфликтующими сторонами с целью налаживания взаимопонимания, признания, сочувствия и доверия. Такие формы коммуникации могут быть либо одноразовыми, либо продолжаться в течение длительного времени. Несмотря на то, что подобные диалоги могут привести к конкретным решениям и действиям, урегулирование какой-то конкретной проблемы не является их главной целью. Они нужны для того, чтобы улучшить понимание различных позиций в конфликте.

Опыт работы миротворцев в разных конфликтах, как на Кавказе, Северном и Южном, так и на Донбассе, требует особого осознания и описания. Но хочу напомнить о главном принципе, главной заповеди человека, работающего в зоне конфликта, там, где смерть и насилие стоят рядом. Этот главный принцип – *не навреди!*

И, несмотря на сложность ситуации, на потоки пропаганды и ненависти, у нас есть примеры достаточно эффективных, устойчивых диалогов. Это «Женские Инициативы за МИР на Донбассе» и Платформа CivilMplus.

«Женские Инициативы за МИР на Донбассе» реализуются женщинами-активистками из России, Украины, Германии, Швейцарии. Целевыми группами инициатив являются украинские активистки, а также женщины, выехавшие из неподконтрольных территорий в Украину и ставшие вынужденными переселенцами, и в Россию, ставшие беженцами.

Второй пример Диалога – Платформа CivilMplus. Сегодня CivilMplus объединяет российские, украинские, европейские правозащитные и миротворческие организации, экспертов, работающих в теме конфликта. В настоящее время работа Платформы идет по четырем направлениям: Интеграция и диалог; Сопровождение международных переговоров; Переходное правосудие; Информационная и адвокационная деятельность.

xxx

В России в последние годы активно нагнетается милитаристское восприятие мира, милитаристское мышление. Идет прямой возврат в Советский Союз. Но за последние двадцать пять лет появилось гражданское общество, которого не было в СССР. Сможет ли оно что-то сделать для противодействия навязываемого обществу культа войны и насилия?

Диалог – это процесс вне войны и мира, процесс, имеющий свою, собственную ценность. В обществе на самом деле очень мало диалога, мы не умеем разговаривать друг с другом, мы постоянно подменяем диалог формами монолога. Вопрос к российскому гражданскому обществу: мы вообще не замечаем идущей рядом войны?

Здесь говорили о двух Инициативах, говорили о том, что они направлены на диалог. Но если это – антивоенные Инициативы, то к каким результатам в рамках антивоенной темы эти Инициативы пришли за несколько лет?

Мы говорим с людьми о путях к миру. Говорим с россиянами, с гражданами Украины, с людьми из неподконтрольных территорий. Происходят встречи журналистов, предпринимателей из Украины, ОРДЛО⁴ и России. Есть Инициатива, она называется «Кофе по-львовски», – это когда из неподконтрольных территорий учителя и родители будущих абитуриентов едут в Западную Украину выяснять условия поступления выпускников школ Донбасса в ВУЗы Украины, условия обучения и проживания в общежитиях. Происходят встречные движения, это не односторонний процесс. И это результат диалога, результат разговора. А начиналось все очень трудно, потому что вначале люди имели совершенно различные, порой противоположные позиции. В рамках диалога мы не пытаемся менять человека и его отношение. Мы ищем точки соприкосновения, которые нас соединяют, а не разъединяют.

⁴ Используется сокращение «Отдельные Районы Донецкой и Луганской Областей» - районов, на которые с 2014 года не распространяется власть Правительства и Президента Украины.

xxx

Я хотела бы осветить еще один аспект диалога, диалоговых встреч. Мы единомышленники, мы ставим перед собой задачу преодоления конфликта. Тем не менее, каждый из нас имеет свое собственное представление о путях преодоления конфликта, основанное на каких-то своих ценностях, на своем личном опыте, на том, что мы видим и с кем говорим. В психологии человека есть такая особенность – услышать в дискуссии то, что тебе подходит. А услышать другого действительно очень трудно, для этого необходимо сконцентрировать внимание, открыться...

И на этих встречах я много раз наблюдала, как человек, обсуждая собственные подходы, собственное мировоззрение, вдруг в процессе диалога делает для себя открытия, которые изменяют его взгляды на вещи, расширяют кругозор. Его, конечно, не обязательно переубеждают, но появляются какие-то новые аспекты, новые повороты, возникают новые вопросы. Важность диалогов еще и в том, что люди, которые стремятся к установлению мира, к преодолению конфликта, выходят за пределы собственных «мыслительных границ», становятся более восприимчивы к каким-то темам, которые им до сих пор не были известны, о которых они не размышляли.

xxx

Вести диалоги очень важно, они действительно меняют ситуацию: происходит серьезная трансформация людей, вернее, их мнений и, соответственно, их влияния на свое окружение. Люди отходят от радикальных взглядов, совершенно узких, они понимают, что проблемы значительно шире, они начинают воспринимать позицию другого человека, имеющего иной взгляд. Мнение, высказанное спокойно, взвешенно, в нормальном диалоге, – такое мнение в конце концов не может не повлиять. Когда идет именно диалог, не перекрикивание друг друга и не доказывание именно своей правоты, люди учатся слышать.

Чему, собственно, учит диалог, эти Площадки? Они учат человека слышать и понимать иное, отличное от собственного, мнение. Безусловно, не обязательно, что его, это чужое мнение, полностью примут; но, по крайней мере, примут его возможность, его существование. И это очень расширяет взгляд человека.

xxx

Вот реальная история. В одной из республик Северного Кавказа в условиях выборов были очень жесткие противостояния между определенными этническими группами. В этих условиях люди уже готовы были биться, создались какие-то «молодежные крылья»... Но на них очень отрезвляюще подействовала одна простая штука. Приехали две женщины, одна из Карабаха, другая из Азербайджана. И сам факт, что приехали они из зоны конфликта – и одной командой ходят по представителям этих этнических групп, которые противостоят друг другу, в избирательные штабы разных кандидатов, уже одно это очень сильно повлияло на ситуацию. Мне кажется, что такие вот «маленькие» технологии, они очень успешны, ведь это важный опыт: кто-то где-то уже пережил нечто подобное, наметил какой-то путь, выход из конфликта. Надо использовать подобные практические возможности.

xxx

А где вообще на постсоветском пространстве, в каком конфликте было серьезное антивоенное движение, которое действительно сыграло реальную роль? Единственный пример, который приходит в голову, это ситуация в России в ходе Первой чеченской войны. Не припоминаются ситуации, когда общество действительно могло повлиять на события: ни в грузино-абхазской войне, ни на события в Карабахе и т.д. Да, миротворческие инициативы везде были, но как такового антивоенного движения всерьез не было. Первая чеченская – это, пожалуй, единственный случай, когда общество сыграло существенную роль. И на сегодняшний день мы, к сожалению, видим, что такого движения нет в России.

xxx

Нужно сформулировать очень четкие цели относительно того, чего мы как сообщество добиваемся, что хотим изменить, что реально можем изменить, ведь сегодня наши силы очень незначительны. Возможно, наверное, работать над тем, чтобы концепцию войны, концепцию насилия было сложнее «продать» обществу. Ведь многие задачи и решения, которые сегодня ведут к обострению, связаны не с внешней проблематикой, а с внутренней. Необходимо, чтобы общество лучше осознало те риски и те возможные потери и утраты, которые оно несет в результате навязываемой ему агрессивной политики. Представляется, что такое движение уже идет, и ситуация немного меняется в этом плане. Люди лучше начинают понимать связь между внешней политикой и собственным холодильником.

xxx

Представляется, что нужен более широкий диалог российского и украинского гражданских обществ. Надо обращаться не только к тем партнерам, с которыми уже идет работа, но и к более широкому кругу гражданских организаций в Украине. Российским неправительственным организациям надо честно сказать: «Да, мы этого не можем. Не можем изменить ситуацию в целом. Но мы готовы работать, поставив перед собой такие-то и такие-то задачи. И мы считаем, что это важно, и хотим, чтобы вы тоже понимали нашу реальность и наши возможности. Мы считаем, что это важно и для нас, и для вас».

В Украине не понимают, в каких условиях живет российское гражданское общество, и поэтому там появилось большое разочарование в плане того, что гражданское общество в России бездействует в вопросе войны. Поэтому, думается, назрела необходимость в таком открытом обращении – не просто к тем, с кем уже идет диалог, но к более широкому кругу, в котором было бы признание как собственных, может быть, ограничений, может быть, даже собственных ошибок, но в то же время четкое выделение тех целей, тех задач, над которыми можно работать.

xxx

Давайте поставим вопрос: «А что такое антивоенное движение?». Посмотрите на историю правозащитного движения. Ведь в Советском Союзе оно не создавалось

стратегически. Были люди, были диссиденты, были те, кто боролись, и выступали, и что-то делали, потому что считали это своей собственной задачей, и, таким вот образом, движение сформировалось. Насколько можно такие движения стратегически формировать?

xxx

Хочу рассказать о том, как организуются поездки россиян и европейцев в Украину. Международная группа с участниками из России, представителями гражданского общества или журналистами, едет в зону конфликта, на подконтрольную Украине территорию. Россиян там особенно ждут, поскольку у местных активистов есть потребность рассказать о том, что там происходит. Ведь у многих свои источники информации, свой опыт, соответственно, и свои претензии: у украинцев к россиянам, у россиян к украинцам. Пока люди не общаются, они друг о друге мало что знают и, получается, плохо понимают друг друга. Поэтому такое общение приносит большие плоды обеим сторонам: прежде всего, разрушаются предрассудки. Украинские организации, например, вдруг осознают, что ситуация гражданского общества в России гораздо сложнее, чем в Украине, хотя там военные действия.

Потому что, в принципе, задача тех, кто заинтересован в конфликтах – это всех разделить, как веник, по тонким отдельным прутикам – и тогда с каждым будет легко справиться. И поэтому все политики, не важно, в какой стране, если они заинтересованы в конфликте, они стараются сделать всё, чтобы никто ни с кем не общался. А наша задача – способствовать преодолению этой ситуации, потому что, когда люди начинают общаться, появляется много точек соприкосновения. А это – путь к пониманию

xxx

Я хочу сказать, что про керченский конфликт (25 ноября 2018 года) в России мало кто знает. Я у себя в городе, в большом провинциальном региональном центре, рассказываю людям, они говорят: «Чего»? Они вообще про это не слышали. Потому что телевизор в России – основной источник информации – эти события если и упоминает, то вскользь, мельком.

Поэтому на вопрос, есть ли в сознании россиян эта война, следует ответ: ее нет! Нет войны с Украиной в сознании россиян. Да, был какой-то конфликт, очень тяжелый, он связан с Донбассом. Да, тогда было, в 2014 году. А сейчас всё давно кончилось. Сейчас нет ничего. Какое миротворчество, зачем – когда никакой войны нет. О чем вы?

Но при этом ненависть к Украине разогревается постоянно. Вот зарисовка. Я очень дружу с украинской общиной у нас в городе. И у нас в городе есть такой праздник - День флага. Участвовать в нем собираются все национальные общины, этнические группы, проживающие в городе. Ставят себе палатку, надевают костюмы и представляют свою этничность. А я возле украинцев топтался всё время, и вот что меня поразило. К ним постоянно подходили люди и тихонько говорили: «Ребята, мы с вами»... А некоторые подходили и говорили: «А, бандеровцы?! Ну, смотрите!» Проблема в том, что в регионах, в глубинке, всё

время разогревают ненависть к украинцам, и разогревают очень активно. Телевизор разогревает, и эта ненависть просто бурлит и раскручивается. Как только ты пытаешься начать какую-то дискуссию, сразу вылезает вот этот окрик: «А, бандеровцы проклятые»!

Ребята, а здесь-то откуда бандеровцы? Мы же в России, в провинции, на автобусной остановке! Нет, и здесь бандеровцы! То есть это всё уже превратилось в жупел. Когда-то у нас жупелом были чеченцы, теперь украинцы. С одной стороны, в сознании российских людей в провинции никакой войны нет, нет напрочь. Рассказывать про то, что происходит на Донбассе, что происходит в Керченском проливе, бессмысленно. А с другой стороны, украинцы теперь у нас «враги». И для меня разговор антивоенный представляется необходимым вести в двух плоскостях; это как две параллельные культуры. Одна – это точки соприкосновения, это как раз то, о чем рассказывали уже здесь, – поездки, попытки общения, диалога. А вторая культура – это культура ухода от образа врага. И для меня это – более важная вещь. Об этом надо постоянно говорить, надо всегда иметь в виду. Надо помнить. Потому что когда этот вот образ врага вылезает и концентрируется, а потом раздувается – то всё, возникает советская конструкция. Если мы воюем с финнами, то мы воюем с белофиннами, если с поляками, то с белополяками. Советская реальность - непрерывное конструирование врага. Мы должны говорить о войне, говорить о ее причинах, о том, что это политические разборки элит, преступления военных. Но мы не имеем права ненавидеть украинцев. Этому надо сопротивляться. Потому что это та почва, на которую с легкостью будут падать все военные инициативы. «Ура, одобряем! Да, правильно, мы их давно ненавидим! Давайте, введите нас к ним, мы их всех перережем».

xxx

Мы говорим о том, что есть много инициатив, но нет большого антивоенного движения. Но эти инициативы и формируют предпосылки такого движения. Например, в Германии в последние годы возникла угроза правого популизма и, даже более того, экстремизма. И недавно там прошла огромная, первая за последнее десятилетие, демонстрация, почти полмиллиона человек, против этих тенденций. Собралась большая часть гражданского общества, те, которые обычно действуют абсолютно отдельно. Сотни тысяч инициатив собрались и в одну субботу вышли на улицы Берлина... И вдруг то, что прежде существовало в головах, в мыслях многих, вышло наружу и получило название: Движение.

Думаю, здесь, в России, до этого еще не близко. Но если есть подобные инициативы, и они узнают друг о друге, и в какой-то момент все почувствуют, что есть реальный риск, что страна скатывается вниз, то каждый поймет, что надо что-то делать всем вместе.

xxx

Война на Донбассе разорвала российское общество, не только гражданское, но и всё общество, это надо понимать. В моем регионе, а я живу на юге России, война ощущается очень сильно. Когда мы начинали наш диалоговый процесс, нам страшно было произнести вслух, что мы встречаемся и разговариваем с гражданами Украины. Нагнетание и формирование образа врага в лице Украины и украинцев – потрясающий результат официальной пропаганды. Но сейчас

настроения людей действительно меняются. Я считаю очень важной задачей – рассказывать другим о наших встречах, наших дискуссиях. На встречах мы вместе со всеми участниками пытаемся согласовать, что мы можем рассказать в своих обществах о нашей очередной встрече. Те, кто приехал из неподконтрольных территорий, те, кто приехал из Украины, и те, кто приехал из России, – можем ли мы одинаковыми словами рассказать в своих обществах, о чем мы говорили?.. Так, постепенно, решалась эта проблема – и конце концов у нас в городе заработал дискуссионный клуб, тема которого: «Поговорим о мире». В каждом номере нашей местной газеты мы публикуем материалы о встречах, об инициативах, о том, что к нам приезжали, и о том, что мы сами ездили. К нам приезжают женщины из неподконтрольных территорий и из Украины. И так, шаг за шагом, медленно, очень медленно формируется сообщество, которое может об этом говорить. Это маленькие шаги. Это очень мало. Страшно мало. Но это – практический результат. Реальная дорога к миру для России и Украины.

xxx

Мы сами меняем свою риторику. Мы очень следим за языком, которым мы говорим. Нам с экрана говорят, что давно пора прекратить валять дурака и вспомнить, что мы братья. Вот в нашем офисе в России больше никто не говорит о братьях и сестрах. Мы говорим о том, что мы добрые соседи. Мы хотим вернуться к состоянию соседей, которые могут мирно, по-добрососедски жить рядом. Нельзя называть себя братьями и продолжать убивать друг друга.

xxx

Буквально месяц назад я из России поехала во Львов, даже не в сам Львов, а дальше, в небольшой город. И все мои родственники здесь, в России, боялись. Мне говорили: «Ну, ладно, ты в Киев летала, это еще ничего. В Харькове была, и в Одессе, и это тоже еще ничего. А туда-то зачем? Там же «бандеровцы».

70 лет советской власти фильмы про Западную Украину какие были? И в нас это генетически сидит, такая установка, что там враги и бандиты. Они же дольше других воевали, сопротивлялись советской власти. И вот я приезжаю, еду общественным транспортом от вокзала и специально расспрашиваю, как проехать, по-русски. И все мне спокойно отвечали, я не видела никакой агрессивности, хотя меня многие, в том числе и местные, предупреждали, что лучше не говорить на русском языке. А я говорила, я проехала по городу целый день и говорила на русском языке, и никто нигде на меня косога взгляда не бросил.

И вот про это я рассказывала в своем городе, вернувшись, своим друзьям и не друзьям. Я об этом дала интервью. Я знаю, что это опасно. Это действительно сегодня опасно у нас, в России, точно так же, как сегодня это опасно в Украине. Мы «зеркалим» друг друга. Два общества «зеркалят» друг друга. Это мои ощущения.

xxx

Мать Терезу однажды спросили, как она относится к военным действиям. И она сказала, что никак не относится к войне, потому что любые ее слова о войне будут

восприняты так, что только поддержат войну. Она сказала, что выступает за мир, дружбу, взаимодействие и милосердие в любом их проявлении. Следовательно, мне кажется, что и мы должны думать не в направлении антивоенного движения, а в направлении поиска точек соприкосновения. О мире и о милосердии.

xxx

Я еще не сказал о себе, что я казак. И когда началась война с Украиной, очень много на нас информации лилось с телевидения, из интернета, причем, с обеих сторон. Я посмотрел сначала с нашей стороны и подумал: «Ну, всё, враги!», кровь закипела. Потом долго лазал в интернете, всю ночь сидел. Смотрел, сопоставлял. Думал. Врезался в память один ролик, как ребята ехали на БТРе, и молодой парень-срочник, ну, лет восемнадцать ему или чуть больше, со слезами на глазах ехал защищать свою родину от нас, россиян. Вот. И я понял, что из телевидения правду не узнаешь.

Я с 2014 года ездил на Донбасс. Я проехал всю Луганскую область, был на всех передовых, очень много общался и с простыми людьми, но больше с военными, которые участвовали в этой войне. Мы возили гуманитарную помощь, когда еще Россия туда ничего не возила. Организовывали телемост, помните? Он состоялся, но люди не слышали друг друга, ни с той стороны, ни с этой. От нашей команды там был писатель и поэт, он спел песню. И песня оказалась самой эффективной. Этот телемост есть в интернете. Замолчали, и наши замолчали, и те; слушали песню. Я считаю, что это самая удачная его песня. И в дальнейшем, увидев всё своими глазами, мы продолжали возить гуманитарную помощь. Сначала мы ехали чуть ли не защищать честь России, что мы не такие, что-то хотели доказать. А когда приехали, поняли, что там – война. Причем люди, которые воюют, они тоже это понимают; они реально защищают свой дом. Тяжело всё это. Бомбят, снаряды падают... Помощь возили мирным людям, потому что там, где военные действия шли, люди с голоду умирали просто. Дети... Я сначала раза три съездил и даже не думал, что там есть дети. Оказалось, детские садики полны детьми. Я после этой поездки просто слег и долго не ездил. С тех пор идея примирения так и гуляет в голове, примирение всеми возможными путями.

xxx

Все, кто пережил конфликт – жертвы, мы это прекрасно знаем. И побежденных нет, и победителей нет. У всех остаются травмы, и всё это в будущем еще сто раз выстрелит. Но надо собирать этих людей, тех, кто прошел эту горячую фазу.

Хочу вернуться к вопросу – почему сегодня в России нет антивоенного движения, которое было, например, во время первой войны в Чечне? И было весьма заметное и влиятельное. Я бы даже усилила: я не вижу особых антивоенных настроений, которые были в СССР во время войны в Афганистане. За действия тогда, естественно, сажали, но настроения в обществе против войны в Афганистане были очень сильные.

У меня на этот вопрос есть ответ, достаточно простой, примитивный. И мне хотелось бы узнать вашу точку зрения, вашу реакцию на мой примитивный ответ.

Мне представляется, что нет протестов и антивоенного движения просто потому, что ни в Украину, ни в Сирию не посылают призывников. То есть людей не призывают в армию, чтобы потом послать на убой. Чтобы их там убивали и чтобы они становились убийцами. Кто едет воевать в Украину со стороны России? Это либо контрактники, которых направляют, либо те, кто едут профессионально заработать, - т.е. это как профессия или временное занятие. Есть, конечно, и добровольцы, которые едут «за идею». Но и те, и другие едут на войну более-менее добровольно... И в российском обществе это не вызывает никаких протестов. А почему бы людям Российской Империи не заниматься тем, чем они хотят, например, войной за русский мир? Хоть в Сирии, хоть в Украине. Мне это крайне простое объяснение кажется вполне реальным: просто перестали гнать на войну принудительно. И пожалуйста, хоть Марс завоевывайте. Общество будет вполне поддерживать. Мне хотелось бы ошибиться.

xxx

И я хотела бы сказать, что в России изменилось, и не в лучшую сторону, отношение к тем, кто приехал сюда из Украины. И беженцы, которые уезжают от войны, и не совсем беженцы – те, кто хотят сменить жизнь в Украине на жизнь в России. Если вначале в российском обществе была большая поддержка этим людям, то теперь реакция очень часто бывает иной: «Ну, и зачем вы им помогаете? Зачем они здесь нужны? Надоели!». С подобным отношением я сталкиваюсь сейчас часто.

xxx

О роли российского гражданского общества в антивоенном движении. Я бы сказала, что антивоенное движение не возникало заранее нигде и никогда. И, в общем-то, люди об этом не размышляли. Оно формировалось, исходя из достаточно реактивных вещей. То есть размышление о том, насколько сознание человека более-менее способно к мирному существованию – это немножко про другое, это не про антивоенное движение. Поэтому мне кажется, что, с одной стороны, мы, гражданское общество России, должны с себя некую вину, что мы чего-то не построили, хотя бы частично снять. На этой дискуссии присутствуют представители гражданского общества – такие, что работают уже на износ. На самом деле, можем ли мы представить новую повестку для того, чтобы что-то изменить в России? Да, мы давно стали экспертами в своих областях, каждого из нас спроси, и мы назовем во-от такой перечень того, что и как можно сделать в России. Вопрос в том, что нас настолько мало, что мы из этого списка все вместе можем покрыть одну сотую часть. И в этом, наверное, глобальная проблема нашего сообщества. К тому же элемент нашей работы, связанный с солидарностью и защитой друг друга, отнимает огромную часть сил и времени. Десятки людей, которые участвуют в антивоенных акциях, миротворческих акциях, защите тех, кто пострадал от войны, сейчас тоже становятся объектом преследования, регулярного, постоянного, годами уже длящегося давления.

xxx

Я присоединюсь к истории про Керченский конфликт. Когда всё начиналось, 01 марта 2014 года, с заявления Совета Федерации о возможности введения войск в Украину, на улицы вышли реально сотни людей, потому что это было важно. А

историю про Керчь, что действительно там произошло, практически не знает никто. А те, которые в курсе, их настолько мало, что даже сил не было куда-то выйти. Скажем просто, по-честному. Единственный человек, который сразу заявил о необходимости проведения большого митинга, сейчас находится на апелляции собственного суда, и, возможно, ему 25 суток придется отсидеть. И поэтому я не очень понимаю, как нам в этих условиях формировать условное движение на будущее. Это по-честному. Поэтому я в таком тупике.

xxx

Я готов согласиться, что российское и украинское общества «зеркалят» друг друга, но добавлю: все не так просто. Ведь даже когда мы в зеркало смотрим, мы видим не себя, а свое отражение там. Левое меняется на правое, правое на левое. То же – с Россией и Украиной: зеркальность своеобразная. Если здесь проблема, что российское общество в общей своей массе действительно не осознает вовлеченности собственной страны в конфликт, то с украинской стороны доминирует комплекс жертвы, тоже такой односторонний подход, что мы, мол, жертвы, все вопросы не к нам и т.д. И понятно, что это тоже такая позиция, которой могут разные политики пользоваться. Притом, что зеркальности действительно много. Вообще говоря, ситуация данного конфликта уникальна. Во всех предыдущих ситуациях, которые я видел в Чечне, в Абхазии, в Приднестровье и так далее, там хотя бы было осознание конфликта с обеих сторон. Люди могут с чем-то спорить, чего-то не принимать, но они соглашались, что – «да, мы сторона конфликта, мы находимся в состоянии войны с другой стороной». А здесь – Украина официально воюет с Россией. Не с местными территориями, не со своими, не с частью своей. А Россия – в восприятии общества – вообще ни с кем не воюет. А только пытается гуманитарную роль якобы играть. И в обществе отсутствует понимание даже на уровне самой базовой реальности. Это что-то новое. Я лично первый раз такое вижу. Еще уникальности добавляет то, что появляется некое лицо, господин Гиркин, который говорит, также впервые на моей памяти: «Да я это все начал!» И чуть не хвастается этим. Такого тоже никогда не было.

xxx

Вопрос о терминологии «братьев» – он очень важен. И в Украине этот вопрос стоит достаточно остро. Здесь, в России, он так не осознается. Потому что, как бы мы ни относились к проблеме в душе, что бы мы внутри себя ни переживали, для общества в Украине терминология «братства» воспринимается сегодня, к сожалению, через призму нашей официальной пропаганды. То, что звучит в российской пропагандистской машине, сразу вызывает отторжение. И поэтому я бы просто предложил, как рекомендацию российскому гражданскому обществу, осознать это. Не надо сегодня использовать терминологию «братья» и тому подобное. Мне самому тяжело это говорить. Я понимаю внутренние наши ощущения. Но если мы хотим, чтобы сегодня в Украине воспринималось то, что мы говорим, адекватно, не надо использовать эту терминологию. Простая вещь, как говорить: «на Украине», «в Украине»? Опять-таки, давайте, хотя бы в рамках гражданского общества, договоримся о том, что мы будем говорить: «в Украине». Потому что для украинского общества это важно. Это нетрудно, правда?

xxx

Надо в России рассказывать о том, как живет сегодня в каком-нибудь украинском городе. Если выйти за рамки конфликта, можно увидеть, что много интересного и полезного происходит в стране, в обычной жизни людей в Украине. Рассказать о том, как там решаются вопросы с коррупцией, вопросы с дорогами, вопросы газообеспечения. То, что касается обыкновенной, бытовой жизни. На самом деле, там сейчас нарабатывается достаточно интересный опыт – где-то позитивный, где-то негативный. Местное самоуправление – в этой области очень важные процессы происходят. Об этом можно рассказывать, об этой, самой обычной, жизни. Это не будет напрямую конфронтацией и, возможно, как-то будет влиять на умы здесь, в России.

xxx

Чтобы вести диалог, вести дипломатическую работу в диалоге, надо владеть информацией. И это одна из самых сложных вещей. Мне лично именно этого не хватает. Дипломат, он опирается на какую-то информацию, которой можно доверять. И нам нужны в нашей деятельности эксперты, к которым можно в любой момент обратиться. Вот происходит какой-то конфликт – события в Керченском проливе или что-то другое. Необходим эксперт, который может быстро собрать информацию, осмыслить ее и дать профессиональную консультацию, необходимую для представителей Платформы. Потому что очень трудно ориентироваться, искать источники по тому или иному вопросу. Не знаешь, к кому обратиться.

xxx

Я из России, но часто бываю в Украине. Когда я приезжаю в Харьков, а там ведь отношение к России всегда (до войны) были очень хорошее, так сейчас там везде объявления: «Поможем с выездом в Польшу». Это везде. И многие украинцы, связанные с Россией, испытывают чувство разочарования, огорчения, потому что понимают – все, Россия отрезана... Россия теперь сама по себе, и сама по себе Украина. Даже среди людей старшего возраста есть такая горечь, обида, непонимание – как же это так получилось? И в Украине жизнь очень трудна сейчас, необходимо много работать, зарплаты маленькие, коммунальные платежи большие. Многие очень измотаны этой тяжелой жизнью. И им уже во многом просто не до России.

И цензура в Украине гораздо жестче, чем здесь, в России. И если человек что-то захочет искренне написать, сказать, для него это будет очень опасно. Опаснее, чем здесь, в России. В России можно еще объективно объяснять, рассказывать, написать и опубликовать. И это шанс, по крайней мере, для части российского общества. И, на мой взгляд, не надо идти сейчас в Украину со своими идеями; надо попытаться здесь, в России, выстроить такое сообщество, такую последовательную программу, как мы будем меняться сами.

На самом деле, Украина очень дружелюбная. Когда она увидит что-то новое, светлое, доброе в России, ее магнитом потянет.

xxx

Проблема в том, что в России Институт Права больше не работает. Государство? Я бы сказала, что его нет. Потому что оно реагирует не как государство. И это такой вот тупик. Люди, которые вроде бы ко всему уже были готовы, вдруг увидели и осознали, что в России нет никаких механизмов защиты их прав; нет в принципе. Но, тем не менее, осознанная реальность не сделала людей активными. На огромную Москву есть кучка активистов, условно говоря, на двадцать миллионов – пять тысяч человек, горстка людей, которые реально что-то делают, и делают изо всех сил. Но ничего не меняется. И у всех какие-то иллюзии, всюду разрозненность и так далее. А на улицы люди не выходят. Даже когда к ним приходят и практически выгоняют из собственных квартир, далеко не все из них готовы выйти на улицу с открытым протестом. И мы спрашиваем: «Что происходит? Почему это так?». И я не знаю ответа на этот вопрос. Но мы понимаем, что все равно надо как-то идти к людям, что это вопрос просвещения, пропаганды, что это процесс долгий.

То, что люди не реагируют на несправедливость, не реагируют на нарушение своих прав, совсем не значит, что люди довольны. Что-то происходит. Как-то все-таки они реагируют. Например, на пенсионную реформу. На реновацию. И я хочу сказать, что для меня совершенно очевидно: четкая связь есть. Вот сначала «Крым наш», а потом цепочка приводит к тому, что случилось в московском районе «Кунцево», когда власти пришли и просто выкинули людей из дома. То есть в первом случае российская власть нарушила международные нормы, а затем показала российским гражданам, что и у них нет никаких прав, нет правил, нет норм, нет ничего, что могло бы этих людей в данный момент защитить. Я уверена, что мы не решим никакие внутренние проблемы, пока не решим международные. Если от права отказались как от такового на международном уровне, то его не будет и на внутреннем. Права просто не будет на территории нашей страны.

xxx

Мне кажется важным, что ушло поколение, которое говорило, повторяло, как заклинание: *главное – чтобы не было войны*. А почему оно так говорило? Потому, что война – это была рефлексия того поколения, его главная боль. Поколение, которое лицом к лицу столкнулось с войной, с ее ужасами, ушло. Его нет. И оно не передало свою рефлексию, свою боль другим, следующим за ним. Наверное, личный ужас вообще трудно передать, транслировать. Поэтому я лишь частично согласен, что не надо говорить о войне, что говорить надо о мире. Ведь тогда получается вопрос какой-то немного зависший. А почему, собственно, надо говорить о мире? Как я понимаю, восстановительное правосудие – это именно ужасы войны. Потому что именно ужас и заставляет людей как-то реагировать, куда-то идти, что-то делать. А отсутствие сопереживания, непонимание, ощущение, что нет никаких ужасов, нет войны, нет ничего, рождает позицию: и зачем мне идти, и куда?.. Мне ничего не надо, у меня всё хорошо, всё нормально.

xxx

Вот культурологический вопрос: конструкция войны как победы. Конструкция войны не как ужаса, а как победы. Соответственно, в российской истории серия

побед, никаких ужасов. Мы пошли и всех завоевали. И есть враг, который хочет нас раздавить. Кстати, конструкция врага сейчас – это не только Украина, Европа – это враг, США – враг. То есть, враг множится. Вот я сейчас подумал, а что противостоит этой конструкции: образ врага? И я понял, что это – используемый друг. Если друг не дает себя использовать, он превращается во врага. И если Европа не дает себя использовать, то она, естественно, враг. Поэтому здесь очень сложные какие-то моменты, связанные с недоделанностью социологических представлений. Потому что дело не просто во враге и не только в конструкции, а в том советском наследии, которое мы все несем в себе: кругом враги. Это очень непростой вопрос, наше наследие. То, что мы несем в себе.

xxx

Создаваемые жизнью образы бывают очень важны, очень действенны. Я был в Белграде недавно, и на меня действительно сильное впечатление произвел транспарант в центре Белграда, а на нем – фотографии детей, убитых во время бомбардировок НАТО. И это очень сильный образ, когда тебе демонстрируют фотографии убитых детей. Я понимаю политический смысл этого плаката, но, тем не менее, это очень сильный образ, сильное впечатление. Что делать с этим, не знаю. Но ориентация, что надо сразу куда-то бежать, что-то делать, кричать, руками махать, мне не близка. Мне кажется, что надо еще додумать многие вещи. Надо учиться не мыслить о сложном простыми понятиями. Мы столкнулись с такими вызовами и такими проблемами, которые, возможно, требуют от нас нового понимания.

xxx

Мы говорим об отсутствии на сегодняшний день в России массового антивоенного движения и мы понимаем при этом, что искусственно оно не возникнет. Нужны соответствующие условия. Необходимо помнить, что время накануне первой чеченской войны – это время, когда в России СМИ были свободны. С началом войны в прессе сразу стала появляться информация о погибших в Чечне, о том, что реально в этом регионе происходит. И это время свободного роста гражданского общества в России. Так что для появления массового антивоенного движения нужны соответствующие условия.

xxx

Защищая права человека, мы одновременно поднимаем вопрос об ответственности за совершенные преступления. Во время первой чеченской войны было несколько процессов по преследованию лиц, совершивших военные преступления. Например, дело Буданова. Процесс шел, конечно, с огромными трудностями, но, тем не менее, о нем писали СМИ. А сейчас в России нет ни одного процесса по осуждению граждан России, которые с оружием в руках воюют против Украины. Хотя статья такая в Уголовном Кодексе России есть. И есть уголовное преследование граждан России, которые воюют на стороне Украины.

xxx

По поводу наёмников и так называемых ополченцев. Мы анализировали информацию по открытым источникам о тех, кто из нашего города поехал на Донбасс, повоевал и вернулся. Удивительная штука: многие, вернувшись, тут же активно подались в антипутинисты. Это реально. Они стали вдруг во главе всяких казачьих бригад, которые просто отвратительно относятся к Путину, во главе всяких оппозиционных движений и тому подобное. И самое интересное, что их сейчас за это сажают. Буквально вчера приговор был, на 3 года посадили, сажают, конечно, за другое; как вариант, за взятку...

xxx

Я думаю, что надо различить две категории людей. Людей, которые участвовали в боевых действиях, и людей, которые совершали военные преступления. Это разные ситуации. Потому что с юридической точки зрения под наемничество подпадает любой человек, который воевал там и не являлся при этом кадровым военным. И это правильно. Но в сегодняшней ситуации, давайте говорить откровенно, общество вряд ли это воспримет. Другое дело, что есть масса фактов того, что попадает в категорию военных преступлений, это нарушение Женевских Конвенций, Международного Гуманитарного права. Надо и в России, и в Украине над этим работать. В Украине было несколько процессов на теми, кто совершил военные преступления, вспоминаю случай с батальоном «Горнадо». И там реально люди сидят, и это не просто прошло в обществе. Часть граждан это не приняла: «Как это так? Героев сажают!». И даже сейчас некоторые политические партии развешивают лозунги «Предательская власть сажает героев». Но там были такие прецеденты. А в России, насколько я знаю, ничего подобного не было.

xxx

Я уверена, что бóльшая часть людей в нашей стране не приняла бы реально объявленную войну против Украины. Именно поэтому власть никогда этого открыто делать не будет. Это мое глубокое убеждение. Потому что близкородственные и дружеские связи между нами очень сильны. Очень сильны!